

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*Гипотезы, дискуссионные проблемы*

УДК 930.1

DOI 10.31143/2542-212X-2019-4-49-62

**СТЕПНОЙ ФРОНТИР В ЧЕРКЕССКОЙ ИСТОРИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ¹****С.Х. ХОТКО**

*Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13
E-mail: inalast@mail.ru*

Аннотация. Наряду с утвердившимся подходом исследования северокавказского фронта как зоны российско-северокавказского взаимодействия, существует, как представляется, более продуктивная возможность изучения крымско-северокавказского фронта (как в плане оппозиции Крымское ханство – Северный Кавказ, так и в плане единой фронтальной зоны, располагавшейся между Российской и Османской империями). Теория фронта сама по себе не является достаточным инструментом для объяснения генезиса черкесского этнополитического пространства (сообщества княжеств). Она должна дополняться другими идеями, позволяющими реконструировать процессы взаимодействия «горцев» и степняков. Для понимания того, как в непосредственной близости с миром кочевников развивался черкесский этнос, особое значение имеет применение исторического закона «вызова и ответа» (А.Дж. Тойнби). Теоретическая база фронтальных исследований хорошо согласуется с геополитическим подходом, согласно которому Российская империя сформировалась на базе евразийского Хартленда (Х.Дж. Маккиндер) или *core area* «срединной территории» (Дж.П. ЛеДонн) и в силу базовых географических, экономических и демографических факторов должна была освоить все порубежные земли.

Ключевые слова: степной фронт; срединная территория; Хартленд; российская колонизация; крымско-черкесский фронт; Черкесия.

**THE STEPPE FRONTIER IN THE CIRCASSIAN HISTORY:
TO STATEMENT OF THE PROBLEM****S.Kh. KHOTKO**

Adyghe Republican Institute for Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на региональной научной конференции «Проблемы истории и культуры народов Центрального и Северо-Западного Кавказа». К 70-летию Заслуженного деятеля науки КБР, доктора исторических наук В.Х. Кажарова. (г. Нальчик, 21 ноября 2019 г.).

Abstract. Along with the established approach to the study of the North Caucasian frontier as a zone of Russian-North Caucasian interaction, the opportunity to study the Crimean-North Caucasian frontier (both in terms of the opposition Crimean Khanate – the North Caucasus, and in terms of the single frontier zone located between the Russian and Ottoman Empires) seems to be a more productive. Frontier theory alone is not a sufficient tool to explain the genesis of the Circassian ethno-political space (community of principalities). It should be supplemented by other ideas that let us reconstruct the processes of interaction between «highlanders» and nomads. To understand how the Circassian ethnos developed in close proximity to the nomads' world, the application of the historical law of “challenge and response” (A.J. Toynbee) has a particular importance. The theoretical base of frontier researches fits well with the geopolitical approach, according to which the Russian Empire was formed on the basis of the Eurasian *Heartland* (H.J. Mackinder) or the *core area* “median territory” (J.P. LeDonne) and due to the basic geographical, economic and demographic factors, it was supposed to master all the foreign lands.

Keywords: steppe frontier; core area; Heartland; Russian colonization; Crimean-Circassian frontier; Circassia.

В последние два десятилетия в отечественной историографии истории Северного Кавказа наблюдается крайне неспешный, непоследовательный процесс усвоения теоретических наработок фронтальных исследований, восходящих к основополагающей работе Фредерика Тёрнера (1861-1932) [Тёрнер 2009]. Закономерно, что первая публикация такого плана является переводом на русский язык статьи западного специалиста – Томаса Барретта, хорошо знакомого с достижениями и недостатками применения данной концепции в американской и европейской историографии. Т.М. Барретт подчеркивает, что изначальная авторская концепция, принадлежащая Ф.Дж. Тёрнеру, едва ли применима как к реалиям российской колонизации, так и в отношении американского фронта, для понимания которого историки разработали существенно более сложную и дифференцированную теоретическую базу [Барретт 2000: 168].

А.П. Романова, философ по специальности, при гораздо более скромном уровне исторической эрудиции и овладения источниками, чем это демонстрирует Т.М. Барретт, рассуждает на тему применимости фронтальной теории к истории российской колонизации Кавказа [Романова 2014]. Она справедливо подчеркивает неприменимость прямого переноса оппозиции *цивилизация-дикость* на русско-северокавказское взаимодействие: «Гораздо сложнее дело обстоит с одной из базовых классических характеристик фронта – местом контакта дикости и цивилизации. На этапе раннего фронта на Кавказе вольные массы беглых казаков находились на одном цивилизационном уровне с основной массой горцев, а в некоторых случаях уступали им. “Когда мы говорим о контактах между русскими и кавказцами (цитата из монографии С.А. Козлова [Козлов 2002: 13], прим. С.Х.), то это вовсе не был контакт между цивилизованным народом и дикарями. Казаки того времени, видимо, стояли на одном уровне развития с чеченцами и кумыками и,

конечно, были на более низком уровне, чем адыги, в то время подданные кабардинских князей, и сами кабардинцы”» [Романова 2014: 455].

В соавторстве с М.С. Топчиевым, А.П. Романова упоминает о правомерности рассмотрения фронта как контактной, диалоговой зоны встреч различных культур [Романова, Топчиев 2014: 286]. Тем не менее, по прочтении статьи этих авторов складывается впечатление о склонности к переносу тёрнеровского понимания, что в условиях РФ выглядит как выраженный идеологический подход. Не изучив в достаточной степени источники, по статьям и книгам очень небольшого круга специалистов, пишущих о казачестве, при полном отсутствии ссылок на работы, в которых анализируется общественный строй северокавказских народов, процесс политогенеза, связи с ведущими *акторами*, такими как Крымское ханство, Османская империя, за счет принижающих оценок (в отношении политического развития, экономики региона) постулируется Кавказский фронт, как зона цивилизационного освоения его Российской империей.

А.П. Романова с соавтором полностью игнорируют такой значимый и много дающий для анализа данной проблематики вид исторического источника как политико-географические карты Кавказа XVI–XIX веков: отдельно Кавказа, Кавказа на фоне больших пространств: Европы, России, Крымского ханства, Османской империи, Ирана. Картографические источники показывают процесс приближения российской границы к Северному Кавказу, более ранние и современные российскому процессу колонизации региона изменения крымских, османских и иранских границ. Карты демонстрируют как точные, обусловленные международными договорами границы, так и их в значительной степени неопределенное и изменчивое состояние в XVI в. – первой половине XVIII в., когда Крымское ханство и Россия (Русское централизованное государство, Российская империя) боролись за преобладающее влияние над Черкесией, занимавшей равнинное Предкавказье от Таманского «острова» до долины Сунжи.

Так, Гийом Делиль, работая над русским правительственным заказом, в 1723 г. поместил вдоль черкесского пограничья надпись: «Страны, зависимые от хана татар» [Delisle 1723]. Гийом Сансон в начале 1700-х гг. поместил надпись на северном, степном секторе Северного Кавказа: «Границы стран (подвластных) царю или великому князю Московии» [Sanson 1710]. Только на примере картографических «легенд» можно отследить изменчивость северокавказского фронта, его включенность в более обширную фронтальную зону между Крымским ханством и Российской империей.

Заметим, что полное выпадение Черкесии из поля зрения указанных авторов, привело к потере благодатной исследовательской возможности рассмотрения на ее примере концепции фронта. Более того, поскольку Черкесия (в отдельные периоды полностью, а в другие – частично) была османской вассальной территорией, то надо бы подумать и о русско-османском фронте на Северном Кавказе. После 1700 г. две могущественные империи имели здесь непосредственную границу, а линия фронта начиналась в

османской Молдавии и через все Северное Причерноморье доходила до шамхальства в Северном Дагестане.

Подход А.П. Романовой и М.С. Топчиева игнорирует государственные границы, пребывание северокавказских политических объединений в составе Османской империи, Крымского ханства, но настаивает на фрагментарности, разорванности, изолированности северокавказских обществ, каждое из которых существовало как-бы само по себе. Это низводит уровень политической истории региона до образов североамериканского тёрнеровского фронта, населенного некими храбрыми охотниками, добытчиками, туземцами. В нашем случае, это храбрые джигиты, которые по какой-то причине до прихода Российской империи жили отдельными деревнями и никому не подчинялись. И вот к ним подселелись вольные люди, казаки, основавшие на Среднем Тереке свои укрепленные станицы. Без разрешения кабардинских князей, самого Темрюка Идаровича, тестя русского царя, влиятельного *актора* международных отношений (русско-черкесско-ногайско-крымско-османских), никакие казаки селиться в этом районе не посмели бы. Первые русские крепости и поселения во владениях Темрюка Идаровича, в домен которого входила долина Сунжи, появлялись как результат русско-черкесских договоренностей, но ни в коем случае не как следствие миграций «вольного казачества». А ликвидировались эти крепости по требованию крымского хана и османского султана. Не стоит упускать из вида, что крымский, степной фронт охватывал огромные площади «Дикого поля», упирался в русскую укрепленную линию по р. Ока (так называемый «Берег»), а сила и мобильность крымских армий позволили им дважды достигать Москвы (в 1521 и 1571 гг.).

В наиболее концептуальном виде возражение против прямолинейного переноса теории фронта на северокавказскую почву периода Кавказской войны представлено в статье Э.А. Шеуджен: «Даже краткий экскурс в историческое прошлое свидетельствует о “вписанности” северокавказских этносов в основные вехи поступательного развития народов в аналогичные периоды исторического прошлого. Следовательно, утверждение о северокавказском фронте как “рубеже”, “границе”, где встречаются “цивилизация” и “дикость”, не имеет, на мой взгляд, научных оснований. Идея фронта как “границы” с момента вхождения Северного Кавказа в состав России теряет реальный смысл и может быть рассмотрена как искусственное, умозрительное построение» [Шеуджен 2006: 83]. Это мнение поддержано исследователем «Калмыцкого фронта» А.А. Андреевой: «Фронт перестал пониматься только как пограничная территория между дикостью и цивилизацией. Фронт стал рассматриваться как территория между «Своими и Чужими», как разлом цивилизаций, как контактная диалоговая зона встреч различных культур» [Андреева 2016: 131].

В то же время, Э.А. Шеуджен подчеркивает, что «порубежье между народами Северного Кавказа и Россией существовало на протяжении многих веков, приобретая различную конфигурацию: от условной “контактной зоны” до жестко разделительных военно-стратегических линий». Отмечая, что северокавказский регион никогда не воспринимался как незаселенное,

свободное пространство, она констатирует, что «народы Северного Кавказа в течение веков находились в южной зоне российского (европейского) фронта» [Шеуджен 2006: 80–81].

Кроме территориальных аспектов, Э.Х. Шеуджен подчеркивает очень важное влияние, которое в рамках фронтального взаимодействия народы Северного Кавказа оказали на российскую военную и интеллектуальную элиту. Это своеобразное «заражение» подданных российского императора духом свободы. «“Государь! – писал в феврале 1819 г. А.П. Ермолов в рапорте Александру I. – внешней войны опасаться не можно... внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего Императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости”» [Шеуджен 2006: 79].

Наряду с утвердившимся подходом исследования северокавказского фронта как зоны российско-северокавказского соприкосновения, существует, как представляется, более эффективная возможность изучения крымско-северокавказского фронта (как в плане оппозиции Крымское ханство – Северный Кавказ, так и в плане единой фронтальной зоны). В рамках этого подхода на первый план выходят не даты утверждения российского влияния в Дагестане и Грузии (такие, как Георгиевский трактат 1783 г.), а даты крымско-ногайско-черкесской истории: 1708 г. – Канжальская битва, 1539-1551 гг. – походы в Черкесию Сахиба I Герая. Рубежной датой здесь оказывается все тот же 1783 г., когда Екатерина II своим указом ликвидировала Крымское ханство, а крымский степной фронт уступил место российскому, имперскому фронту.

В рамках данного подхода в поле зрения ученых оказывается Крым и причерноморские районы Кавказа. Особое значение в истории контактов Крыма и Кавказа имел Таманский «остров», почти всегда служивший своеобразным продолжением Крыма и его внутреннего Керченского полуострова (с располагавшимся на нем Пантикапеем). Крым на протяжении нескольких тысяч лет переживал те же культурные эпохи, что и Северный Кавказ. Волны кочевнических миграций из глубинных областей Евразии (скифо-сарматская и тюрко-монгольская эпохи), а также волны колонизаций со стороны Средиземноморья (эллины, римляне, византийцы, гунны, османы) воздействовали на Кавказ и Крым, формируя единые цивилизационные ареалы, а также единые линии соприкосновения культур моря и степи (сквозной фронт, проходивший как ось через Крым и Кавказ). Крымский полуостров заполнялся средиземноморскими и кочевническими коллективами, воспроизводившими здесь свои политические институты. Боспорское царство на протяжении всей античной эпохи и Крымское ханство на протяжении XV–XVIII вв. выполняли роль политического центра для этносов Северо-Западного Кавказа (меотов и черкесов соответственно). Плацдарм и инструмент больших империй и сама империя в миниатюре, Крым стал частью истории Кавказа и его изучение для адыгской истории более значимо, чем история контактов с Дагестаном и Грузией.

Крымская Кубань являлась порубежной территорией с 1695 г. (первый азовский поход Петра I) по 1772 г. (поражение ханства в войне с Российской империей). После 1700 г. обозначилось стремление Порты ограничить военную активность крымских ханов на русском направлении, тогда как Москва, напротив, активно продвигала укрепленные линии в направлении Крыма.

В этой обстановке, которую можно охарактеризовать как сдавливание Крымского ханства, возникла эпическая фигура Бахты Герая (сына хана Девлета II Герая), превратившегося с 1713 г. в самостоятельного правителя Кубани (как ее ногайского правобережья, так и черкесского левобережья): «на Кубани салтаном учинился собою» [Кабардино-русские... 1957: 19]. Незадолго перед тем, в 1711 г., во время русско-турецкой войны, в отсутствие основных сил ханства, направленных на помощь османской армии в Молдавии, П.М. Апраксин во главе русско-калмыцкого корпуса нанес жесточайший урон татарскому и ногайскому населению: «Русско-калмыцкие войска методично уничтожали ногайские улусы на Кубани “для самага [их] оскудения”; более 16 тыс. кубанских ногайцев были убиты и около 22 тыс. взяты в плен калмыками. <...> Таким образом, в результате похода П.М. Апраксина Прикубанье превратилось в опустошенный край» [Грибовский, Сень 2013: 109].

В 1715 г. Бахты Герай взял реванш, совершив масштабный поход против калмыков хана Аюки, разорив его ставку и уничтожив около трех тысяч человек. Он вывел из-под Астрахани множество татар и ногайцев (11,500 кибиток), усилив, таким образом, демографический и оборонный потенциал Кубани. В 1717 г. в статусе *калги* Бахты Герай возглавил крупный рейд по русским землям. Его действия шли вразрез с распоряжениями крымского и османского правительств. О характере его отношений с черкесами сообщали татарские перебежчики, согласно которым Бахты приглашал («подзывал с собою») к участию в походе на Черкасск (столицу Войска Донского) темиргоевцев и бесленеевцев [Грибовский, Сень 2013: 109]. В 1723 г. Бахты Герай находился в Хатукае, а половина его отряда состояла из черкесов.

В августе 1724 г. Бахты вступил в Крым и, фактически, стал его хозяином. В октябре 1724 г. Порта сместила хана Сеадета Герая. Большая часть крымской знати была за Бахты, но османское правительство даже не рассматривало его кандидатуру, опасаясь реакции России. Ханом стал Менгли II Герай (1724–1730), войска которого вытеснили Бахты из Крыма. Русский обозреватель называет Бахты Герая в апогее его славы «чиркасским принцем», что отражает как его власть и авторитет среди черкесов, так и значение черкесов в составе его армии [Грибовский, Сень 2013: 126]. Весной 1729 г. Бахты Герай с небольшим отрядом отправился к темиргоевцам «для взятая от них обыкновенной дани, которые-де черкесы давали ему... в дань тысячу ясырей». Ночью черкесы напали на лагерь султана, убив его вместе с братом-сераскером [Грибовский, Сень 2013: 132]. По другим данным, этот типичный фронтальный лидер погиб в Кабарде.

Кочевническое, мусульманское население Кубани, начиная с середины XVII в. вело крайне милитаризированный образ жизни. Это была полная опасностей, невзгод и дальних военных и грабительских рейдов

повседневность жителей пограничной зоны. Демографический анализ костных образцов показывает, что кубанские ногайцы жили меньше и питались хуже, чем население этих мест периода раннего железного века, в частности, «число доживающих до старости (50 лет) выше у меотского населения» (сопоставление данных меотского могильника IV в. до н.э. Лебеди III и мусульманского могильника XVII–XVIII вв. Лебеди I) [Романова 1986: 198–199].

Согласно М. Ходарковскому, «большинство обществ на каком-то этапе были обществами фронта» [Ходарковский 2002: 9]. Это понимание фронта открывает значительное поле возможностей для интерпретации черкесской истории, основанной на достижениях авторов, продвинувших понимание данной теории. Заслуживает внимания наблюдение М. Ходарковского о том, что Россия до конца XVIII в. «была типичнейшим обществом фронта, где легко проницаемые пограничные зоны вкупе с недостаточно четко определенными политическими и территориальными границами служили приглашением к постоянной экспансии» [Ходарковский 2002: 7]. То есть, окраинные земли, на которых не сложились государства (за исключением Крымского ханства) посылали своего рода запрос на расширение империи и прямо призывали (в лице, например, кабардинских князей) российские войска, предлагали возводить на своей территории укрепления. В случае с ханством, такое «приглашение» к экспансии не носило формального характера, но само существование рыхлой, кочевнической территории в Северном Причерноморье и на Кубани (т.е. всего ханства за пределами Крымского полуострова), не освоенной татарами в виде крепостей, городов, агрикультурных ландшафтов, создавало геополитическую обусловленность российской экспансии.

М. Ходарковский отмечает, что Россия на протяжении XVI–XVIII вв. прошла «постепенную трансформацию из уязвимо общества фронта в колониальную империю» [Ходарковский 2002: 11]. Тут же заметим, что Черкесия (сообщество княжеств, представлявших собой сложные вожества или аналоги раннего государства) в силу географических и демографических условий не имела шанса на прохождение такой трансформации, на осуществление масштабной территориальной экспансии в Степь, занятие ее укрепленными поселками. Освоение ближайшей степной зоны между Кубанью и Доном имело место в XIV–XV вв. [Волков 2002: 158–160] и было прервано после 1475 г. крымско-османской экспансией. В античный период колонизация этого региона была успешно осуществлена меотами, процветание и само нахождение которых на правом берегу Кубани и в Восточном Приазовье было прекращено вторжениями готов и алан. Через призму фронта может быть рассмотрена и проблема адыгского освоения Кабарды (Центрального Предкавказья): по крайней мере, в источниках есть свидетельства борьбы за этот регион между черкесами и татарами Большой Орды [Памятники... 1884: 255].

Критерии применимости фронта убедительно сформулированы на основе исторического опыта колонизации Сибири И.П. Басалаевой [Басалаева 2012: 46–49]. Этот специалист склонен, тем не менее, к переносу тёрнеровского понимания одного из главных критериев. «Одна из этих групп (доминантная), – отмечает И.П. Басалаева, характеризуя этнокультурную неоднородность групп,

которые вошли во фронтальное взаимодействие, – имеет отношение к «имперской» (то есть ориентированной на территориальную экспансию и господство, на присвоение «права владеть пространством») государственности и демонстрирует культуртрегерские амбиции. Вторая сторона идентифицируется в эволюционистской системе координат – как «примитивное общество». <...> В ситуации сибирского фронта речь идет в широком смысле о столкновении оседлого и кочевого миров» [Басалаева 2012: 47].

Говоря о применимости фронтальной теории к Кавказу, Т.М. Барретт начинает с двух очевидно неверных посылов: «Я попытаюсь доказать, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования «фронта» – приграничной, порубежной зоны, – включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» [Барретт 2000: 165]. Во-первых, фронт не может быть больше завоевания, которое осуществляется империей. Поэтому «не чем-то большим», а «не только». Фронтальная проблематика как-бы дополняет и смягчает проблематику завоевания, аннексий и депортаций. Она, можно сказать, высвечивает историческую альтернативу, которая обречена оставаться неочевидной. Во-вторых, продвижение (завоевание с последующей колонизацией) как раз не являлось «процессом образования фронта», оно было процессом его уничтожения. Он просто физически устранился и сужался до плотного соприкосновения национальных пригородов и периферий с российскими центрами осуществления военно-административного контроля. Если Черкесия, наиболее протяженная страна Кавказа, вытянутая на 900 км вдоль степного фронта, и сама являвшаяся фронтальной зоной, просто перестала существовать, то о каком образовании фронта может идти речь?

Совершенно оторванным от исторического процесса выглядит тезис Т.М. Барретта о том, что «даже после 1864 года русские не только не могли диктовать стереотипы поведения на большей части данной территории, но и не являлись этнически доминирующей группой (за исключением нескольких анклавов)» [Барретт 2000: 179].

Как представляется, теория фронта имеет высокий потенциал применения в изучении генезиса черкесского этнополитического пространства. При этом, она должна дополняться другими идеями, позволяющими реконструировать процессы взаимодействия «горцев» и степняков.

Для понимания того, как в непосредственной близости от Степи развивалась Черкесия, особое значение имеет исторический закон «вызова и ответа» (challenge and response), который сформулирован и разработан Арнольдом Тойнби. В закономерностях действия этого общего исторического закона, который осознавался еще древними мыслителями, Тойнби выделил пять типов стимулов: суровой страны, новой земли, удара, давления и ущемления [Тойнби 2010: 140-141, 151-153, 160-181].

Черкесский этнос сформировался у границы евразийской степи в условиях перманентного кочевнического вызова, реализовывавшегося в виде отдельных мощных ударов и длительного давления. В этом отношении,

черкесов можно определить как фронтальное сообщество, все базовые, культурные черты которого оттачивались в перманентном взаимодействии и соперничестве с миром кочевников. Повышенный уровень милитаризации общества характерен для Черкесии XIII–XVI вв., когда до трети всего войска составляли тяжеловооруженные всадники. В плане социальной стратификации это привело к появлению иерархического общества с правящим слоем в виде князей, родовитой и служилой знати, а также выработке аристократического кодекса чести Уорк Хабзэ.

У народа, веками жившего на пограничье степи, сложилась система воспитания воина, готового отдать жизнь ради выживания отряда, семьи, племени, а также ради славы, упоминания в песне. Подобный тип личности мог усвоить возвышенные идеи свободы, национальной независимости. Но при всем том, черкес мог быть вопиюще несправедлив по отношению к слабым, женщинам и детям.

Внезапное крушение основного военно-политического противника и партнера в лице Крымского ханства, произошедшее на протяжении жизни одного поколения (по историческим меркам это произошло в одночасье, в 1772–1783 гг.) застало черкесское общество в состоянии перманентно усиливающегося демографического и военного потенциала. Черкесы воевали с Российской империей не только в периоды русско-турецких войн второй половины XVIII в. – первой трети XIX в., но и в промежутках между ними.

Образ жизни, ментальность, возвышенный воинский *этнос*, – все это не позволило черкесам осуществить мирный переход из достаточно формальной и почти ни к чему не обязывающей власти османского султана в руки российского самодержца. Биться до конца – вот требование черкесской природы того времени. И именно это и случилось, приведя к национальной катастрофе 1864 года.

Не только адыгский аристократизм и рыцарство [Соллогуб 1856: 15; Адыги... 1974: 216, 437, 604, 630] зародились под воздействием кочевого (также аристократического и рыцарственного) вызова. Все базовые черты культуры черкесов несли на себе отпечаток беспокойной фронтальной жизни [Хотко 2018]. Данный фактор не позволил осуществиться накоплению материальных ресурсов, строительству каменных сооружений, а также завершиться переходу от аналога раннего государства к раннему государству [Гринин 2012].

Таким образом, теория *фронтальной* в ее применении к черкесской истории оказывается действенной не в изначальном, тёрнеровском понимании (сильная цивилизация, поглощающая варварскую периферию), но в качестве постоянно обновляемого набора теоретических обобщений, при помощи которых описывается исторический процесс в рамках подвижного пограничья Степи, представители которой искали новую родину в равнинах и горах Черкесии, и как аналогичное пограничье автохтонного массива, неоднократно и на длительные периоды расширявшего свою территорию в направлении устья Дона, Крыма, Дагестана.

Теоретическая база фронтальных исследований хорошо согласуется с геополитическим подходом. В теории Х.Дж. Маккиндера важное место занимает понятие хартленда. Хартленд (Heartland – «сердцевинная земля») – массивная северо-восточная часть Евразии, окаймляемая с юга и востока горными системами. В его работе 1904 г. понятие «heart-land» фигурирует, но еще не в качестве основополагающего концепта [Mackinder 1904]. Но впоследствии термин «Хартленд» заменяет собой понятие «ось истории» (pivot of history) (Рисунок 1).

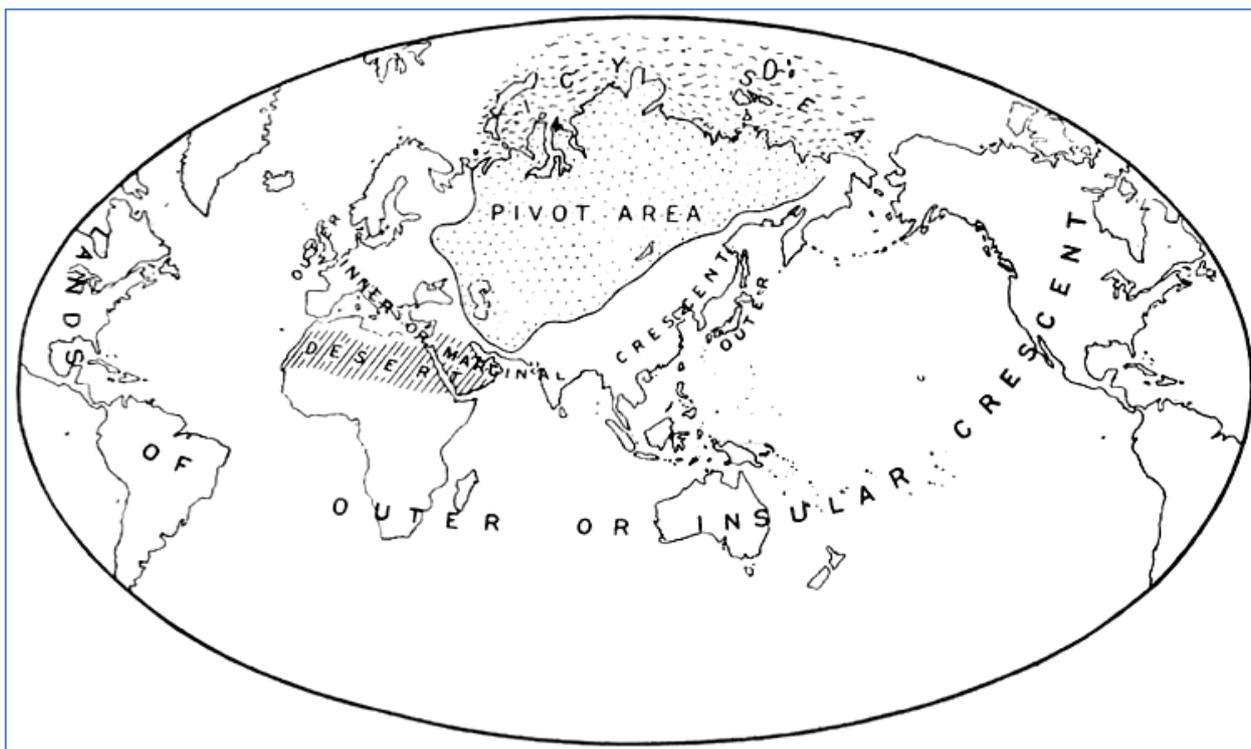

Рис. 1. Природные места силы по Х.Дж. Маккиндеру [Mackinder 1904: 435].

Дж.П. ЛеДонн, отталкиваясь от теории Хартленда Х.Дж. Маккиндера, считает, что Русское государство сформировалась вокруг *core area* (срединной территории или основной зоны, на основе которой шло образование империи или крупного централизованного государства), противопоставляемой другим срединным пространствам, прежде всего, османскому и персидскому: «Московская и анатолийская срединные территории сталкивались друг с другом через Черное море на манер крабов, каждый из которых вытягивал клешню вокруг половины его береговой линии, превращая Молдавию-Валахию и Кавказ в наиболее стратегически чувствительные зоны соперничества» [LeDonne 2004: 24]. Согласно Дж.П. ЛеДонну, Российская империя, как наиболее сильное и модернизированное государство евразийского Хартленда, было обречено на проведение экспансии, направленной на включение в себя как всего Хартленда, так и части его периферии: «Великая стратегия требовала мобилизации политического и военного истеблишмента, экономики и ведущих культурных и церковных деятелей страны для реализации глобального видения,

которое в случае с Россией заключалось в установлении ее гегемонии в пределах Хартленда. У монголов когда-то было похожее видение, когда они запланировали одновременное вторжение в Польшу и Корею» [LeDonne 2004: 6].

Черкесия в этой градации представляется «государством-клиентом», «фронтирным обществом» на северной периферии Османской империи, наряду с Валахией, Молдавией, Западной Грузией и Крымским ханством. Находясь на северо-восточной оконечности Черного моря, которое ЛеДонн сравнивает с гигантским оборонительным рвом Османской империи, Черкесия была обречена на борьбу с Хартлендом, поскольку пребывала внутри его естественных рубежей. В категориях Маккиндера, Черкесию можно определить как *Coastland* или приморскую зону, находящуюся в оппозиции Хартленду.

Итак, рассмотрение Черкесии как фронтирной территории имеет значимый историографический потенциал. Новое понимание коснется этногенеза, социальных институтов, политогенеза, материальной культуры, жилищно-поселенческого комплекса, этнической психологии, внешнеполитического положения, истории сопротивления в годы Кавказской войны. Необходимо развернуть исследования не только степного фронта, но и причерноморской контактной зоны в греко-римский, итальянский и османский периоды.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Адыги... 1974 – *Адыги*, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.

Андреева 2016 – *Андреева А.А.* «Калмыцкий фронт»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 4 (32). – С. 130-135.

Барретт 2000 – *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. – С. 163-195.

Басалаева 2012 – *Басалаева И.П.* Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 46-49.

Волков 2002 – *Волков И.В.* Адыгские памятники Ачуевского мыса // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. – Краснодар: КубГУ, 2002. – С. 158-160.

Грибовский, Сень 2013 – *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012. Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: «Восточная литература», 2013. – С. 92-137.

Гринин 2012 – *Гринин Л.Е.* Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – С. 9-98.

Кабардино-русские... 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Под ред. Т.Х. Кумыкова, Е.Н. Кушевой. Составители: Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: Издат-во АН СССР, 1957. – Т. II. – 424 с.

Козлов 2002 – *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). – СПб.: Историческая иллюстрация, 2002. – 287 с.

Памятники... 1884 – *Памятники* дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Изданы под редакцией Г.Ф.

- Карпова. Т. И. С 1474 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. – СПб., 1884. – 558 с.
- Романова 2014 – Романова А.П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 102. – С. 446-458.
- Романова, Топчиев 2014 – Романова А.П., Топчиев М.С. Кавказ как вечный фронт // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 284-291.
- Романова 1986 – Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. I / Ответственный редактор И.С. Каменецкий. – М.: Наука, 1986. – С. 195-203.
- Соллогуб 1856 – Соллогуб В. Кавказ в Восточном вопросе // Кавказ. – 1856. – № 4 (12 января). – С. 14-16.
- Тёрнер 2009 – Тёрнер Ф.Дж. Фронт в американской истории / Пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2009. – 304 с.
- Тойнби 2010 – Тойнби А. Исследование истории / Пер. с англ. К.Я. Кожурина. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 1119 с.
- Ходарковский 2002 – Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 242 с.
- Хотко 2018 – Хотко С.Х. Жилищно-поселенческий комплекс Северо-Западного Кавказа: адаптивность к природно-географическим условиям и степному фронтиру // Вестник науки. – 2018 – № 15(39). – С. 125-139.
- Шеуджен 2006 – Шеуджен Э.А. К вопросу о северокавказском фронтире // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 3. – С. 76-83.
- Delisle 1723 – Delisle G. Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne, dressée pour l'usage du Roy. 1723. [Online resource] // David Rumsey Map Collection. Cartography Associates. URL: <http://www.davidrumsey.com/maps4466.html> (date of access: 14.10.2019).
- LeDonne 2004 – LeDonne J.P. The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 261 p.
- Mackinder 1904 – Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. XXIII. – No 4 (April). – P. 421-444.
- Sanson 1710 – Sanson N. Etats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz... // Jaillot A. H. Atlas Nouveau, contenant toutes les parties du monde, ... – Amsterdam, Covens & Mortier, 1710. [Online resource] // Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/56323/etats-de-lempire-du-grand-seigneur-des-turcs-en-europe-en-jaillot> (date of access: 14.10.2019).

REFERENCES

- Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adyghes, Balkars and Karachays in Proceedings of the European Authors of the XIII-XIX centuries]. – Nal'chik: "El'brus", 1974. – 635 p. (In Russian)
- ANDREEVA A.A. «Kalmytskii frontir»: k tipologii frontirnoi teorii ["Kalmyk frontier": Towards the Typology of Frontier Theory]. IN: *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. – 2016. – No 4 (32). – P. 130-135. (In Russian)
- BARRETT T.M. *Linii neopredelennosti: severokavkazskii «frontir» Rossii* [Lines of Uncertainty: the North Caucasus Frontier of Russia]. IN: *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskii period: Antologiya* [American Russian Studies. Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial Period: Anthology]. – Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2000. – P. 163-195. (In Russian)
- BASALAEVA I.P. *Kriterii frontira: k postanovke problemy* [Criteria of the Frontier: to the Statement of the Problem]. IN: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2012. – No 2. – P. 46–49. (In Russian)

DELISLE G. Carte des Pays voisins de la Mer Caspienne, dressée pour l'usage du Roy. 1723. [Online resource]. IN: David Rumsey Map Collection. Cartography Associates. URL: <http://www.davidrumsey.com/maps4466.html> (date of access: 14.10.2019). (In French)

GRIBOVSKII V.V., SEN' D.V. *Kubanskii sultan Bakhty-Girei: fenomen neligitimnoi vlasti v Krymskom khanstve pervoi treti XVIII v.* [The Kuban Sultan Bakhty-Ghirey: the Phenomenon of Illegitimate Power in the Crimean Khanate of the First Third of the XVIII Century]. IN: *Tyurkologicheskii sbornik 2011-2012. Politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological Collection 2011–2012. Political and Ethnocultural History of Turkic Peoples and States]. – M.: “Vostochnaya literatura”, 2013. – P. 92-137. (In Russian)

GRININ L.E. *Rannie gosudarstva i ikh analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitel'nyi analiz* [Early States and Their Analogues in Political Genesis: Typologies and Comparative Analysis]. IN: *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early Forms of Political Systems]. – St. Petersburg: MAE RAS, 2012. – P. 9–98. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh [The Kabardino-Russian Relations in the XVI–XVIII Centuries. Documents and Materials in 2 Volumes]. – Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. – Vol. II. – 424 p. (In Russian)

KHODARKOVSKII M. *Stepnye rubezhi Rossii. Kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500-1800* [Steppes of Russia. How the Colonial Empire was Created. 1500-1800]. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. – 242 p. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Zhilishchno-poselencheskii kompleks Severo-Zapadnogo Kavkaza: adaptivnost' k prirodno-geograficheskim usloviyam i stepnomu frontiru* [Housing and Settlement Complex of the North-West Caucasus: Adaptability to Natural and Geographical Conditions and the Steppe Frontier]. IN: *Vestnik nauki*. – 2018 – No 15(39). – P. 125–139. (In Russian)

KOZLOV S.A. *Kavkaz v sud'bakh kazachestva (XVI–XVIII)* [Caucasus in the Fate of Cossacks]. – SPb.: Istoricheskaya illyustratsiya, 2002. – 287 p. (In Russian)

LEDONNE J.P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650-1831*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 261 p. (In English)

MACKINDER H.J. *The Geographical Pivot of History*. IN: *The Geographical Journal*. – 1904 – Vol. XXIII. – No 4 (April). – P. 421-444. (In English)

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Krymskoi i Nagaiskoi Ordami i s Turtsiei. Izdany pod redaktsiei G.F. Karpova. T.I. S 1474 po 1505 gg., epokha sverzheniya mongol'skogo iga v Rossii [Monuments of Diplomatic Relations of the Moscow State with the Crimean and Nagay Hordes and with Turkey. Published by G.F. Karpov. Vol. I. Since 1474 till 1505, the Era of the Overthrow of the Mongol Yoke in Russia]. IN: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Imperial Historical Society]. – Vol. 41. – SPb., 1884. – 558 p. (In Russian)

ROMANOVA A.P. *Spetsifika rannego frontira na Kavkaze* [The Specifics of the Early Frontier in Caucasus]. IN: *Nauchnyi zhurnal KubGAU*. – 2014. – No 102. – P. 446-558. (In Russian)

ROMANOVA A.P., TOPCHIEV M.S. *Kavkaz kak vechnyi frontier* [Caucasus as an Eternal Frontier]. IN: *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. – 2014 – No 2 (39). – P. 284-291. In Russ.

ROMANOVA G.P. *Demograficheskii analiz paleoantropologicheskikh materialov mogil'nika Lebedi III* [Demographic Analysis of Paleoanthropological Materials of burial ground Swans III]. IN: *Arkheologicheskie otkrytiya na novostroikakh. Drevnosti Severnogo Kavkaza. (Materialy rabot Severokavkazskoi ekspeditsii)*. – Vyp. I / Otvetstvennyi redaktor I.S. Kamenetskii [Archaeological Discoveries in New Buildings. Antiquities of the North Caucasus. (Materials of the Work of the North Caucasian Expedition). – Issue I]. – M.: Nauka, 1986. – P. 195–203. (In Russian)

SANSON N. *Estats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz...* IN: Jaillot A.H. *Atlas Nouveau, contenant toutes les*

parties du monde, ... – Amsterdam: Covens & Mortier, 1710. [Online resource] // Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. URL: <https://www.raremaps.com/gallery/detail/56323/estats-de-lempire-du-grand-seigneur-des-turcs-en-europe-en-jaillot> (date of access: 14.10.2019). (In French)

SHEUDZHEN E.A. *K voprosu o severokavkazskom frontire* [To the Question of the North Caucasian Frontier] IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2006. – No 3. – P. 76-83. (In Russian)

SOLLOGUB V. *Kavkaz v Vostochnom voprose* [Caucasus in the Eastern Question]. IN: *Kavkaz* [Caucasus]. – 1856. – No 4 (January, 12). – P. 14-16. (In Russian)

TOYNBEE A. *Issledovanie istorii* [A Study of History]. – M.: AST MOSKVA, 2010. – 1119 p. (In Russian)

TURNER F.J. *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American History]. – M.: Publishing House “Whole World”, 2009. – 304 p. (In Russian)

VOLKOV I.V. *Adygskie pamyatniki Achuevskogo mysy* [Adyghe Monuments of Achuev's Cape]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani. Vyp. 2* [Materials and Researches on Archeology of the Kuban. Issue 2]. – Krasnodar: KubGU, 2002. – P. 158-160. (In Russian)